

СТАТЬЯ ГРАЧЕВОЙ И.
В. РОМАН В.С.
СОЛОВЬЁВА
«КАСИМОВСКАЯ
НЕВЕСТА»:
РЕАЛЬНОСТЬ И
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ВЫМЫСЕЛ

■ РОМАН В.С. СОЛОВЬЁВА «КАСИМОВСКАЯ НЕВЕСТА»: РЕАЛЬНОСТЬ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ВЫМЫСЕЛ

- Всеволода Сергеевича Соловьёва современники называли «русским Вальтером Скоттом».
- Он вырос в семье, где мир древней русской истории стал словно второй жизнью. Отец Всеволода известный ученый С.М. Соловьёв до конца своих дней работал над многотомной «Историей России с древнейших времен». И не случайно Всеволод, увлекшись литературной деятельностью, стал писать исторические повести и романы, темы для которых он черпал из научных трудов своего отца. Ос[1]новой романа «Касимовская невеста» стала разыгравшаяся в дворцовых теремах драма, о которой свидетельствуют немногочисленные документы XVII века.
- В 1647 году 18-летний царь Алексей Михайлович, задумав жениться, велел собирать по всей земле достойнейших красавиц. Шведский послан[1]ник в России Фербер сообщал о том, что ему удалось разузнать: «14 февраля его царскому величеству представлены были во дворце в большой зале 6 девиц, выбранных из 200 других, назначенных для того вельможами, и царь избрал себе в супруги дочь незнатного боярина Федора Всеволожского; когда девица сия услышала о том, то от великого страха и радости упала в обморок; великий князь и вельможи заключили из того, что она подвержена падучей болезнью...»
- Этот рассказ неточен. Федор (или Раф, как его чаще называли) был небогатым дворянином, сыном Родиона Всеволожского, некогда служившего на далекой Двине. Но судя по одной из царских грамот 1642 года, Раф был назначен касимовским воеводой.
- Грамота так и начиналась: «В Касимов воеводе нашему Рафу Родионовичу Всеволоцкому».
- В 1641 году эту должность занимал И.В. Вышеславцев .

- В феврале 1647 года шестнадцатилетняя красавица Ефимия Всеволожская (дочка касимовского воеводы) приняла участие в смотре царских невест и приглянулась молодому государю Алексею Михайловичу. Он даже подарил ей кольцо и платок в знак доброго к ней отношения. Но придворные интриги были сильнее человеческих чувств. В день, когда невесту обряжали в первый раз в царскую одежду, Ефимии так стянули волосы на голове, что она упала в обморок в присутствии жениха.
- Всесильный при дворе Алексея Михайловича боярин Борис Морозов обвинил Федора Всеволожского в том, что он скрыл болезнь дочери – падучую. Семью сослали в далекую Тюмень. Только через год Алексей Михайлович женился на Марии Милославской и породнился с Борисом Морозовым (который женился на Анне Милославской). Но, видимо, о Ефимии забыть не мог. Через два года после смотра невест, в 1649 году, Федор Всеволожский назначается воеводой в Верхотурье, и семья по реке Туре перебирается из Тюмени в новое место службы. Ефимия вместе с отцом жила в Верхотурье до 1652 года. Потом в их жизни снова ненадолго была Тюмень. Но в 1653 году царь Алексей Михайлович все-таки разрешил Всеволожским вернуться в касимовское поместье, определил Ефимии денежное содержание, но выезжать в столицу запретил. Говорят, к ней многие сватались, но она всем отказывала. Долгие годы современники считали, что красавица Ефимия еще живет где-то в мещерской глуши. Но она умерла молодой, 27-летней. Первый царский брак оказался несчастливым, из 13 детей выжили двое – Иван и Софья. Мать их умерла, когда они были детьми. Алексей Михайлович вновь женился – на Наталье Нарышкиной, род которой также имел поместья в рязанских землях. Петр Первый был сыном Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны Нарышкиной. Род Всеволожских долго и верно служил империи Российской. Говорят, что в честь одного из представителей этого дворянского рода назван город Всеволожск в Ленинградской области.
- А в отечественной словесности сохранилась романтическая история касимовской невесты, ставшая темой одноименного романа В. Соловьева.

- С дочерью Рафа Афимьей (Ефимьей), которой было 16–17 лет, обморок случился не тогда, когда она узнала о царском выборе, а гораздо позже, когда ее взяли в Верх, нарекли царской невестой и когда она уже в царском облачении вновь предстала перед своим державным женихом, вероятно, перед обрядом обручения. Причиной ее обморока многие со[1]временники считали отнюдь не ее робость и волнение, а происки завистливых придворных. Подьячий Посольского приказа Г. Котошихин, в 60-х годах XVII века бежавший в Швецию, в составленной для шведов записке о жизни русского царского двора так излагал эту историю: «И сведав царь у некоторого своего ближнего человека дочь, девицу добру, ростом и красотой и разумом исполнену, велел взяти к себе на двор и отдати в бережение к сестрам своим царевнам, доколе сбудется веселие и радость. <...> У некоторых бояр и ближних людей дочери были, а царю об них к женитьбе ни об единой мысль не пришла: и тех девиц матери и сестры, которые жили у царевен, завидуя о том, умыслили учинить над тою обранною царевною, чтоб извести... и скоро то сотворили, упоиша ее отравами...»
- Англичанин С. Коллинс, в 1659 году поступивший на службу к Алексею Михайловичу в качестве врача, в придворных кругах услышал версию, что расстроить царскую свадьбу стремился прежде всего Борис Морозов, воспитатель царя, пользовавшийся при дворе огромным влиянием: «Как скоро царю наступила пора жениться, к нему свезли всех лучших красавиц из государства; одной, которая ему понравилась, он дал платок и кольцо; но когда она в другой раз явилась перед ним в царской одежде, Борис приказал так крепко завязать ей венец на ее голове, что она упала в обморок. Тотчас объявили, что у ней падучая болезнь...»

- Царь призвал родителей невесты к строгому допросу, гневаясь, что они скрыли страшный недуг дочери. Коллинс слышал, что Всеволожского секли кнутом в застенке, стараясь выведать правду. Несмотря на клятвенные уверения родных, что Афимья здорова, всю семью отправили в ссылку в Сибирь. Юный царь тяжело переживал наудачу своей помолвки. И хотя Фербер, писавший свое донесение по горячим следам, передавал: «Некоторые думают, что князь после Пасхи женится на другой», к Алексею Михайловичу целый год не могли подступиться с разговором о новой невесте. Котошихин рассказывал: «Царь же о том велми печален был, и многа дни лишен был яди; и потом не мыслил ни о каких высокородных девицах, понеже познал о том, что то учинилось по ненависти и зависти». О том, что в ходе следствия действительно выяснилось, будто царскую невесту пытались извести, свидетельствует грамота, посланная в 1647 году в Кирилло-Белозерский монастырь: «По нашему указу послан к вам в Кириллов монастырь под крепкое начало боярина нашего Никиты Ивановича Романова крестьянин Мишка Иванов за чародейство и за косной развод и за наговор, что объявился в Рафове деле Всеволожского...»

- Через год Алексей Михайлович обвенчался с Марией Ильиничной Милославской. А через десять дней состоялась другая свадьба: Борис Морозов женился на сестре царицы Анне Ильиничне, прочно укрепив таким образом свое положение при дворе. Видимо, это как раз и убедило окружающих, что устранение Всеволожской было необходимо именно ему, а не Никите Романову, чей мужик взялся чародейством изводить Афимью. Однако выгода не всегда приносит счастье. Неурядицы в морозовском доме не удалось скрыть от современников. Коллинс иронизировал по этому поводу: «Анна была им не совсем довольна, потому что он был старый вдовец, а она здоровая молодая смуглянка, и вместо детей у них родилась ревность, которая произвела кожаную плеть в палец толщиной». Коллинс рассказывал, будто бы один англичанин был сослан в Сибирь за то, что Морозов заподозрил его в слишком коротком знакомстве со своей женой. Да и могущество Морозова при дворе скоро пошатнулось. Вспыхнувший в Москве народный бунт заставил его бежать, скрываясь от расправы, и долгое время прятаться в Кирилло-Белозерском монастыре, там же, где отбывал наказание Мишка Иванов, обвиненный в чародействе над дочерью Всеволожского. Странные повороты бывают у судьбы.
- Брак царя оказался удачнее. Радости семейной жизни согрели душу Алексея Михайловича, и он, вспомнив об изгнанниках Всеволожских, в качестве компенсации за все пережитое, в 1649 году назначил отца Афимьи воеводой в Верхотурье. Коллинс слышал, что у Афимьи, воеводской дочери, «было много женихов из высшего сословия, но она всем отказывает и бережет платок и кольцо», подаренные царем.

- Может, она в самом деле с первого взгляда и на всю жизнь полюбила Алексея Михайловича, который, по свидетельству современников, был весьма хорош собой. Через три года с Всеволожскими происходит странная история, о которой рассказывают официальные документы. Царь весной 1652 года отправил Рафа воеводствовать в Яранск. Похоже, что Всеволожских милостиво переводили ближе к центру России, что давало надежду на возможность со временем вернуться в Москву. Но неожиданно царское решение переменялось, и Алексей Михайлович послал новую грамоту, требуя догнать Рафа, если он выехал в Яранск, и отправить его «с приставом» в Тобольск, еще дальше вглубь Сибири. Причем велено доставить его в Тобольск «тотчас», «без всякого замотчанья» .
- Список грамоты пострадал от времени, целые куски текста утрачены, поэтому трудно понять, что вызвало такую перемену: была ли в этом государственная необходимость или это было новой царской опалой? С приставами обычно возили арестованных. Затем Раф оказался в Тюмени, причем не вполне ясно, в каком качестве: переведенного по службе или ссыльного? В списке сибирских воевод, составленном в тобольской архиерейской канцелярии, Всеволожский значится верхотурским воеводой с 1649 по 1651 год, но ни в Тобольске, ни в Тюмени в 1652 году его имя не упоминается. Вскоре Федор скончался. Его осиротевшей семье царь позволил вернуться в их вотчину под Касимовым, но деревенская жизнь Всеволожских скорее напоминала домашний арест. В грамоте 1653 года, посланной касимовскому воеводе, царь сообщал: «По нашему указу велено Рафову жену Всеволоцкого и детей ея, сына Андрея и дочь с людьми отпустить с Тюмени в Касимов с приставом, с тюменским сыном боярским; и быти ей и с детьми, и с людьми в Касимовском уезде в дальней их деревне; а из деревни их к Москве и никуда отпущати не велено» . В касимовской глуши «порушенная» царская невеста прожила недолго, скончавшись около 1657 года. Может, сибирская ссылка подорвала ее здоровье, а может, одолела неизбывная печаль да терзавшие сердце воспоминания.

- Характерно, что в царской грамоте указано имя сына Федора – Андрея, но пропущено имя дочери. Официальная придворная жизнь не терпела нарушения внешней торжественно-величавой парадности, поэтому опальных государевых невест, ставших жертвами дворцовых интриг, ревниво скрывали в дальних ссылках или монастырях. Даже имя их оказывалось под запретом.
- Но со смертью Афимьи было похоронено все, что могло напомнить о скандальной истории, разыгравшейся в царских теремах, и на следующий год ее брата Андрея милостиво определили на службу в Москву. Его два сына, Яков и Федор, также будут впоследствии приняты в услужение при дворе. В 1683 году Федор значился стряпчим при дворе Федора Алексеевича (сына царя Алексея, а Яков, тоже начавший карьеру стряпчим, в 1686 году уже числился стольником.

- Недостаток исторических сведений Соловьёву пришлось восполнять художественной фантазией. Видимо, ему не было известно, что Раф Всеволожский некогда служил воеводой в Касимове, и потому в романе Раф оказывается захудалым провинциальным дворянином. Автор пишет о нем: «Давно уже, поболее четверти века будет, безвыездно поселился он в своей касимовской вотчине». Однако, если обратиться к составленному П.И. Ивановым «Алфавитному указателю фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах» (М., 1853), оказывается, что незадолго до описанных в романе событий, в 1640 году Раф числился еще московским дворянином и, видимо, выехал в Касимов в связи со служебным назначением. Так или иначе, но при дворе он был известен, недаром Котошихин назвал его «ближним человеком», знакомым царю, а Фербер даже счел боярином. Неясно, каким образом его дочь оказалась среди шести претенденток, представленных на выбор Алексею Михайловичу, поэтому Соловьёв вводит в свое повествование опытного царедворца, боярина Пушкина, для которого красота Афимьи – лишь удобный козырь в придворных интригах. Возможно, и впрямь одна из боярских партий стремилась с помощью родни новой царицы ослабить влияние при дворе всесильного Бориса Морозова.

- Однако вполне доверяя свидетельству Котошихина, Соловьёв показывает, что на женской половине дворца царскую невесту встретило почти единодушное затаенное недоброжелательство. В романе искренне симпатизирует Афимье лишь шутиха Катерина, но ее сочувствие и предостережения оказываются бессильны против общего заговора. Соловьёв использует все существующие документальные версии о том, как пытались расстроить царскую свадьбу: это и «колдовство» Мишки Иванова, и туго стянутый головной убор, ставший причиной обморока Фимы.

- Для усложнения авантюрной интриги автор создает образ хитрой, предприимчивой и корыстной Манки Харитоновой, подкупленной Морозовым. Роман строится на контрастах: лукавым царедворцам противопоставлен прямодушный Раф Всеволожский, «злодейке» Манке – кроткая красавица Фима, отъявленному разбойнику Якову Осине – благородный и самоотверженный Дмитрий Суханов. Автор использует в своем произведении и классическую схему любовного треугольника, но без положенного в таких случаях противоборства: Суханов отстоял Фиму от посягательств Якова, но не может соперничать с царем. Однако безответная преданность Дмитрия своей любимой даже тогда, когда у него нет надежды на взаимность, готовность ради Фимы пожертвовать жизнью оттеняют слабость и неустойчивость характера Алексея Михайловича, не сумевшего до конца бороться за свое счастье.

- Внутренний мир молодого царя, данный в динамике сложных противоречий, наиболее удачно изображен в романе. Алексей – порождение своей эпохи, ее представлений и нравов. Радужная доброта и юношеское мягкосердечие уживаются в нем с любовью к азартным кровавым потехам – охотам и медвежьей травле, глубокая религиозность – с языческой верой в магическую силу «сглаза», «наговора», «вынутого следа». Но так как юная душа всегда тяготеет к романтике, то фантастические рассказы странников о полуптицах-полулюдях производят на него гораздо большее впечатление, чем нравоучительные рассуждения церковных сборников. Его неожиданный для всех поступок при выборе невесты – это, может быть, первая попытка взрослеющего человека проявить самостоятельность, вырваться из-под мягкого, но настойчивого диктата своего наставника. Соловьёв уверен, что такой решительный шаг не мог быть сделан под влиянием минутных эмоций. Действительно, московские цари, выбирая невесту, старались заранее, до официальной церемонии избрания ознакомиться с претендентками. Для этого существовали различные способы, позволявшие обойти традиционные запреты, согласно которым жених не должен был до обручения встречаться со своей невестой. Романист предположил, что переодетый Алексей Михайлович мог посетить терем, где жили привезенные для смотрин красавицы, вместе с развлекавшими их песенниками и музыкантами.

- Обрисованный Соловьёвым характер Алексея Михайловича вполне соответствовал его историческому облику; точно так же впоследствии будет вести себя царь с властным и энергичным патриархом Никоном.
- Колоритно, с тонким знанием подробностей изображены в романе быт и обрядность XVII века: медвежья трапля, подготовка к смотринам царских невест, распорядок дворцовой жизни, убранство царских палат, особое значение, придававшееся царскому постельному белью (недаром должность постельничего была одной из главных во дворце). Но некоторая схематичность образов, слишком прямолинейное противопоставление положительных и отрицательных героев в романах Соловьёва, а также склонность автора к романтическим элементам привели к тому, что современная критика объявила его произведения «лубочной литературой».
- Однако у широкой публики романы Соловьёва, несмотря ни на что, имели успех. Они будили интерес к русской истории, к ее малоизвестным страницам, к человеческим судьбам, о которых порой скупо говорят строки официальных документов, но которые близки читателю вечными, общечеловеческими драмами неразделенной любви, несбывшихся надежд, нереализованных возможностей и вечным стремлением человеческого сердца к добру, красоте и справедливости.

- Автор показывает, как незаметно меняются взаимоотношения Алексея и Морозова: если в начале романа Алексей с детской доверчивостью открывает боярину свою душу, а тот по-хозяйски распоряжается в царской спальне, то после посещения Алексеем царевниных теремов Морозов заискивает и готов даже прослезиться, чтобы вызвать на откровенность своего воспитанника, но Алексей упорно уходит от ответа: «Может, в первый раз в жизни присутствие Морозова казалось ему надоедливym, несносным». Алексей не обладает сильным характером. Хотя он и носит титул царя, а Морозов называет себя «верным холопом», но, когда они остаются наедине, главенство принадлежит Морозову и Алексей не осмеливается ему противоречить. Он хитрит, усыпляя бдительность боярина, и уклончиво хвалит Милославскую, которую тот старается навязать царю. Даже воспользовавшись тем, что в официальной обстановке царских смотрин боярин не сможет оспаривать действия самодержца всея Руси, Алексей все же побаивается своего опекуна. Взяв с подноса кольцо «дрожащей рукой», он «быстро сделал несколько шагов по направлению к девушкам-невестам», словно опасаясь, как бы его не остановили.

Беляева Елена Васильевна

Родная литература

